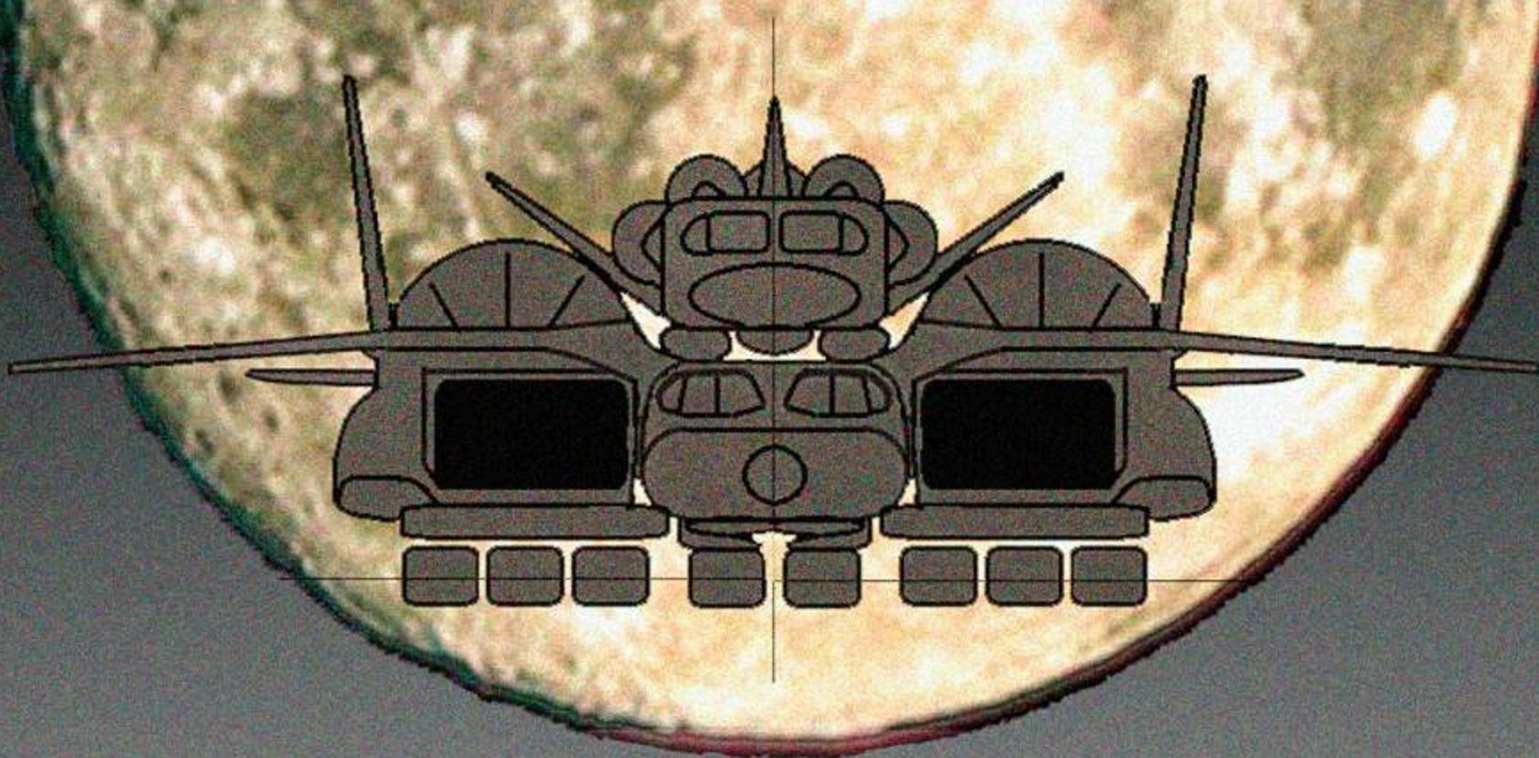

АНТОН ТАМОНОВ

ПЕРВАЯ
МЕЖПЛАНЕТНАЯ...

АНТОН ТАМОНОВ

Первая Межпланетная...

«Автор»

2026

Тамонов А.

Первая Межпланетная... / А. Тамонов — «Автор», 2026

У Сергея Григорьева, обычного инженера из Самары, с детства была мечта узнать: «что там, на Луне?», а когда он вырос то, как и у многих, вопрос для него стал звучать уже иначе: «Почему люди больше не летают на Луну?» Потому, что это очень дорого? Потому, что нет доступных технологий? Потому, что там нет ничего интересного? Потому, что не хотим? Или потому, что просто перестали мечтать? Ведь мечта — это первый шаг к тому, что может осуществиться в реальности. Эта книга о том, как стремление человека к познанию, стремление узнать, «что там, за облаками», упрямство первооткрывателя и вера в технический прогресс приводят главных героев к успеху и осуществлению мечты. Этот рассказ - фантастика, но ведь часто бывает так, что именно фантасты пишут о том, что невозможно прямо сейчас, но уже в ближайшем будущем, удивительным образом, становится реальностью.

© Тамонов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие автора.	5
Глава первая. Грёзы о луне.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Антон Тамонов

Первая Межпланетная...

Предисловие автора.

Этот рассказ написан в стиле «технологическая фантастика». События, которые в рассказе начинаются летом 2003 года, никогда в реальности не происходили, но могли бы произойти при определенных условиях и, возможно, произойдут в ближайшем будущем. Большинство действующих лиц — это вымышленные персонажи кроме тех, кого без исключения, знает вся страна: ну согласитесь, странно было бы называть, к примеру, президента или премьера страны Иваном Ивановичем...

Рассказ, что называется, сугубо «о железках», о том, как стремление человека к познанию, стремление узнать, «что там, за облаками» и вера в технический прогресс приводят главных героев к успеху и осуществлению мечты. В повествовании напрочь отсутствует какая-либо магия, сказочные драконы или фэнтезийные эльфы, зато в рассказе есть много технических и технологических подробностей, которые объясняют и иллюстрируют действия персонажей.

Приводимые в тексте повествования цифры взяты не с потолка, автор произвёл некоторые расчеты параметров систем, о которых идёт речь, но расчёты, формулы и пояснения к ним не приводятся, так как по некоторым причинам, не зависящим от автора, объем произведения требовалось ограничить десятью авторскими листами, и автор безжалостно вычистил из текста всю скучную математику.

И ещё: некоторые, уже известные факты, преподносятся как открытия, сделанные героями рассказа по ходу повествования — всё-таки это произведение художественное, а не техническое и, тем более, фантастика. Ну и конечно же, художественный вымысел также присутствует, для того, чтобы рассказ не был уж слишком скучным.

Приятного чтения...

Глава первая. Грёзы о луне.

Сергей проснулся, прислушиваясь к своим ощущениям и пытаясь понять, что его будило среди ночи. У него не было никакого чувства тревоги или воспоминаний о кошмарном сне, ни шума за окном или у соседей: — обычная индустриальная тишина... он просто лежал, созерцая свои ощущения. Приподнявшись, он повернулся к тумбочке, шурясь от света электронных часов: 02:17. За окном ночь, ярко светит Луна, освещающая комнату ровным желтовато-серебристым светом через неплотно задёрнутые шторы. Сладко зевнув, он поднялся, отбросил одеяло и подошёл к окну. Свет он включать не стал — света Луны итак хватало, чтобы видеть очертания комнаты.

Продолжая зевать, он потянулся и отдернул занавеску полностью, с умиротворением разглядывая открывшийся из окна вид. Жёлтая Луна висела над Самарой, освещая двор и окрестности. На фоне тёмных силуэтов крыш луна казалась не просто большой, — она казалось каким-то невероятно крупным, жёлтым диском. Тихо хмыкнув, он машинально поднял руку, словно пытаясь измерить расстояние между кончиками пальцев и лунной поверхностью. В детстве он так иногда делал — представлял, что вот-вот коснётся этих загадочных морей и краёв. Сегодняшняя луна была особенной — она казалась ближе обычного и почти осязаемой.

Он глубоко вздохнул, с чувством лёгкой тоски наслаждаясь зрелищем. В памяти всплыли обложки старых журналов «Техника молодежи» с их красочными рассказами про лунные базы и межпланетные перелёты, для которых будут стартовать ракеты с лунных космодромов. Он даже почти физически ощутил запах бумаги — тот самый, который исходил от тех журналов, когда он благоговейно перелистывал свежие страницы, ожидая увидеть, как почти сказочная фантастика превращается в быль прямо сейчас... ну, или вот уже прямо совсем скоро. И ему, тогдашнему мальчику, казалось, что нужно только подрасти, хорошо учиться и он сам станет участником тех грандиозных проектов, которые так красочно расписывали иллюстрированные журналы. В голове, как когда-то, замелькали схемы, некогда казавшиеся гениальными: лунные модули со сверкающими куполами, орбитальные станции с вращающимися жилыми отсеками, схемы марсианских экспедиций, вдохновляющие рассказы фантастов... космические корабли, ракеты, двигатели... полёты к другим планетам...

Сергей прижал ладонь к прохладному стеклу, следя за тем, как лунный диск постепенно поднимается над далёкими заводскими трубами. «К 2000 году такие корабли будут летать как автобусы», — вспомнил он хрипловатый голос диктора из документального фильма 80-х. Теперь эти слова звучали горькой иронией, а заголовок на обложке «Техники молодёжи» — «Лунная база-2000» — казался сейчас такой же насмешкой, как когда-то обещания коммунизма к 1980 году.

Сон окончательно исчез, Сергей прошёл на кухню, поставил на плиту чайник и принялся ждать, когда вода в чайнике закипит. Иногда он так делал, если не было сна — кружка чая, пар, медленное размешивание сахара в кружке создавали, почти медитацию, помогая успокоиться и привести мысли в порядок. Сегодня, правда, успокаиваться не требовалось, он был спокоен. Сергей стоял, прислонившись к подоконнику возле плиты, рассеянным взглядом рассматривая знакомую обстановку кухни, когда его взгляд упал на холодильник — точнее, на магнит с логотипом «Пратт энд Уитни», привезённый из командировки в Хартфорд полгода назад. Магнит держал листок бумаги — лотерейный билет «Powerball», купленный тогда же, на удачу, в качестве сувенира. Сергей усмехнулся: «Выиграть в американскую лотерею — это даже не фантастика, это уже клиническая шизофрения»...

Наконец чайник закипел, забренчав крышкой и Сергей, оторвав взгляд от холодильника, затушил огонь и снял чайник с плиты. Неспеша заварил чай, наблюдая, как горячая вода перемешивает чайные листья, окрашиваясь в густой коричневый цвет.

Десять минут спустя с чашкой горячего чая в руке Сергей вернулся в комнату, где за окном полная луна, теперь уже не желтая, а холодно-серебристая, продолжала свое неумолимое движение по небосклону, поднявшись уже заметно выше. Он взглянул на часы: 3:45. Луна действительно поднималась. Сергей поставил кружку на подоконник, прищурился, наблюдая, как её жёлтый край медленно переползает через антенну на крыше соседнего дома и, казалось, изменила цвет и размер. Он видел этот оптический обман много раз, но сегодня этот эффект выглядел почему-то особенно явным — будто луна не просто поднималась по небу, а... отдалялась. Как и все те мечты, что когда-то казались такими близкими.

Луна немного изменила цвет, став более серебристой и перестав казаться гигантской. Теперь она висела в небе как обычно — холодная, далёкая, без намёка на ту почти физическую близость, что ощущалась полтора часа назад. Сергей приложил ладонь к стеклу, как бы проверяя его толщину — может, оно было виновато в том оптическом обмане? Но нет, стекло было самым обычным, ещё советским, с едва заметными пузырьками воздуха по краям. Он отпил чай, который чуть остыл до терпимой температуры, и усмехнулся: «Обман зрения»...

Он шурился, разглядывая серебристый диск и вспоминая старый школьный учебник астрономии: «Атмосферная рефракция у горизонта — 34 угловые минуты», — прошептал он, будто сдавал экзамен. Пальцы сами собой сложились в знакомый жест — когда-то он измерял лунный диаметр, растягивая между большим и указательным пальцами расстояние от края до края диска. Те же, примерно, 30 угловых минут. Ничего не изменилось, всё так, как и должно быть.

Сергей прижал лоб к прохладному стеклу, наблюдая, как Луна теряет свой тёмно-янтарный оттенок, окончательно превращаясь в холодный серебристо-жёлтый диск. Он знал этот оптический феномен как свои пять пальцев — пыль и водяные пары в нижних слоях атмосферы рассеивали коротковолновый свет, оставляя только длинные жёлто-красные волны. Теперь, когда спутник поднялся выше, воздушная прослойка между ним и Землёй стала тоньше, и Луна обрела свой настоящий цвет. Ему друг вспомнились страницы из детской книги по астрономии с закладкой на главе «Атмосферная рефракция» — там даже была схема с преломлёнными лучами, нарисованная его собственной рукой синей шариковой ручкой.

Сергей улыбнулся, прокручивая в памяти детские воспоминания. В шкафу, в самом углу, за коробками со старыми журналами, до сих пор стоял тот самый телескоп «Алькор» — подарок отца к двенадцатилетию. Он вдруг отчетливо вспомнил, как дрожали его руки, когда он впервые затягивал винты штатива, боясь перетянуть резьбу. Максимальное увеличение в 133 раза оказалось бесполезным — картинка дрожала от малейшего движения, но при 88-кратном увеличении кратеры Луны выглядели так, будто можно было дотронуться до их центральной горки. Он даже тогда, в шестом классе, подмечал эту странность: чем выше поднималась луна, тем меньше она казалась, хотя линейные замеры неизменно показывали те же значения угловых минут.

«Обман зрения», — прошептал Сергей, проводя пальцем по стеклу, как будто чертя невидимую дугу от горизонта до висящей в небе Луны. Он вспомнил школьный эксперимент с двумя монетами, когда одну держали на вытянутой руке у линии горизонта, вторую поднимали высоко в небо. Казалось, что нижняя монета больше, но если их сфотографировать и измерить линейкой на фотографии... Сергей неожиданно рассмеялся: в классе он единственный настоял на проверке, притащив на следующий урок отцовский фотоаппарат «Зенит». Учительница поставила ему пятёрку, а одноклассники прозвали «космонавтом» — не зная, что для него это было высшей похвалой.

Сергей вздохнул, вороша в памяти воспоминания и продолжая созерцать медленное, почти незаметное движение естественного спутника.

«Луна — это то, что раньше нам обещали политики, а теперь обещают учёные...» — мысль Джека Ламберта всплыла в голове Сергея с неожиданной остротой. Он горько усмех-

нул, наблюдая, как последние янтарные отсветы покидают лунный диск. Политики? Сейчас им было не до Луны — нефть, газ, передел собственности. А учёные... Он вспомнил знакомого профессора из Самарского университета, который в прошлом году с пеной у рта доказывал, что пилотируемая космонавтика — тупиковый путь: «Роботы дешевле, надёжнее, — кричал он на конференции, — а вы всё про Гагарина!»

Сергей сделал большой глоток, наслаждаясь чайным ароматом и разливающейся теплотой.

«Да что они понимают...» — прошептал он, глядя на Луну, которая теперь висела в небе как холодная серебристая монета. Он вспомнил случай из студенческих времён — он тогда попал на лекцию к старому инженеру, работавшему ещё с Королёвым. Тот рассказывал, как в шестидесятые они сутками не выходили из КБ, чертили схемы прилуняемых аппаратов, спорили до хрипоты. «Мы тогда верили, что к 2000 году там будут города, — вздыхал старик, — а теперь...» Он развёл руками, показывая пустоту.

Сергей поставил пустую чашку на стол с глухим стуком фаянса о полированную поверхность. В памяти возникла пожелтевшая газетная вырезка, пять лет назад заботливо вклеенная в тетрадь, в которую он заносил заметки о космических проектах: «Луна-Глоб» — смелое название для программы, которая так и осталась набором красивых презентационных слайдов. Он даже помнил тот запах типографской краски, когда впервые разворачивал свежую газету «Коммерсантъ» у газетного киоска. Тогда, в 1998-м, цифры казались огромными — 250 миллионов рублей! Теперь же, пересчитав в долларах по тогдашнему курсу, Сергей с горькой усмешкой осознал: вся российская лунная программа в то время стоила как три истребителя Су-27.

На часах уже светились цифры: 5:00, а Луна уже скрылась за корпусом многоэтажки. Сергей вздохнул, задернул шторы и лег в кровать. Прикрыл глаза, с наслаждением опустив веки, но за закрытыми глазами всё ещё пульсировало яркое пятно лунного света, словно не отпуская его воспоминания. Он перевернулся на бок, подтянув одеяло к подбородку: «Час сна — уже роскошь», — прошептал он в подушку, ощущая, как мышцы спины медленно расслабляются. За окном уже слышался первый гул мусоровоза — Самара просыпалась.

Мысли Сергея текли медленно, как густое масло — вязко, с проблесками внезапных всплесков. Он зевнул, уткнулся лицом в подушку, пытаясь создать абсолютную темноту, но вместо темноты увидел схему турбонасоса НК-33 — того самого, что когда-то собирали на его заводе. Лопасты медленно вращались перед его внутренним взором, и почему-то одна из них была... лунного цвета. Желтовато-серая, с микроскопическими кратерами.

Луна, всего лишь его детская мечта... Но ведь мечты в этом мире иногда сбываются, нужно только очень-очень захотеть...

«Бред», — прошептал он, но мысленные образы не исчезали, а трансформировались. Спустя мгновение он уже видел схему орбитального лунного модуля из старого журнала с вращающимся жилым отсеком. Сергей вспомнил, как он благоговейно разглядывал картинку, представляя, что это он, когда-нибудь, сам будет проектировать эту сказку, которая, затем, в производственных цехах, начнет превращаться в торжество инженерной мысли. Где-то в глубине сознания всплыла фраза из детства: «Луна — это не цель, это трамплин». Чья это была цитата? Королёва? Цандера? Или он сам придумал её в двенадцать лет, когда впервые начертил схему лунной базы в альбоме для рисования?

Его мысли неожиданно переключились на ту командировку в Хартфорд, где осенью прошлого года он три дня изучал новые технологии компрессоров и камер сгорания. Сам Хартфорд его не впечатлил. Это конечно, была другая страна, другие люди... но район, в котором они жили три дня, чем-то до боли напоминал ему его осеннюю Самару: деревья с уже пожелтевшими листьями, ветер, гоняющий по мостовой упавшую листву, не идеальные дороги с местами потрескавшимся асфальтом, ряды трехэтажек, в одной из которых они как раз и жили недалеко от завода, даже опрокинутый мусорный бак во дворе с рассыпавшимся мусором...

Разве что граффити на стенах выполнены на более художественном уровне чем то, что рисуют на стенах в его родной Самаре...

Но больше всего врезался в память не сам Хартфорд, не на завод «Пратт энд Уитни» а маленький музей авиации рядом с заводом. Там, на стене, позади старых двигателей, висел потрёпанный плакат 1969 года: «Мы были на Луне!» Сергей тогда стоял перед ним, ощущая странное смешение чувств — восхищение инженерной мыслью и... что-то ещё. Не зависть, нет. Скорее, щемящее чувство упущенного. Как будто он опоздал на поезд, который должен был увести его в будущее, обещанное журналами «Техника молодёжи». Он вспомнил лицо старого американского инженера, — седого, с морщинами у глаз, которого он встретил там, в музее. Они разговорились, и старик, узнав, что Сергей из России, оживился:

«А вы знаете, что ваш Королёв мог бы отправить человека на Луну на год раньше нас?» — Сергей кивнул — знал. Но тогда американец добавил нечто, что засело в мозгу как заноза: «Просто нам хватило духа признать, что мы это можем сделать. А вам — нет».

«Не хватило духа? — мысль американского инженера всплыла в сознании Сергея, с каким-то щемящим душу чувством, — не хватило... тогда... а сейчас?»

Он резко перевернулся на другой бок, смяв подушку под щекой. Сейчас, в 2003 году, в предрассветной тишине, эти слова звучали особенно горько. Но что если... Он на секунду замер, ощущая странный электрический импульс где-то между рёбер. А если он, сейчас? Есть ли у него, у инженера Сергея Григорьева, этот самый «дух»? Его ладонь непроизвольно сжалась в кулак — да, чёрт возьми, конечно есть! Не зря же он все эти годы хранил те журналы, не зря в студенчестве постоянно прокручивал в сознании варианты осуществления той, своей детской мечты...

Но тут же пришла отрезвляющая мысль: даже если дух есть — что может сделать он, маленький человек, инженер на заводе в Самаре, начальник маленького технологического бюро? Его отдел занимался модернизацией форсунок для старых НК-32, а не проектированием лунных модулей. Он представил реакцию директора завода, если бы он вдруг решил поделиться с ним своими мечтами... Громкий смех, пожатие плечами, может, даже участливый хлопок по плечу: «Серёжа, тебе к неврологу надо».

Сергей застонал и натянул одеяло на голову, как в детстве. Внутри всё кипело — «У нас экономика победила технологию» — он никак не мог вспомнить, где прочитал или услышал это высказывание. Экономика... тысячи аргументов, расчётов, схем кружились в голове, сталкиваясь с непреложной реальностью. Даже если он соберёт всю свою волю в кулак... даже если найдёт тех, кому это тоже интересно... Вспомнился случай пятилетней давности, когда он пытался предложить модернизацию системы охлаждения турбины — проект три месяца ходил по инстанциям, чтобы в итоге упереться в резолюцию: «Нецелесообразно ввиду отсутствия финансирования». А тут целая лунная программа. Да даже и не программа, одни только мечты...

Глаза начали слипаться, несмотря на внутреннюю бурю. Последней осознанной мыслью перед погружением в сон была избитая фраза: «Мечтать не вредно...» Потом сознание провалилось в тяжёлую, беспокойную дрему. Ему снилось, что он стоит на краю гигантского кратера, и его скафандр — странная смесь современных технологий и деталей от авиационного двигателя — вдруг начинает трещать по швам от перепада давления. Вместо паники он испытывает странное спокойствие, даже облегчение: «Ну и ладно», — говорит он вслух, и его голос в гермошлеме звучит чересчур громко. Сергей снимает перчатку и протягивает руку к лунному грунту. Пальцы касаются реголита, и вдруг... он чувствует его текстуру сквозь тонкую кожу пальцев. Без перчатки. Без скафандра. Он дышит лунным воздухом и понимает, что это невозможно, сгребает в горсть лунный реголит... «какой он странный», успел он подумать и...

Он проснулся от резкого звонка будильника — 6:30 утра, пора на работу. Голова от недосыпа гудела, как колокол, а рука изо всех сил сжимала наволочку, будто это был лунный рего-

лит из его сна. Сергей сел на кровати, пытаясь собрать обрывки сновидений — там было что-то важное, какое-то озарение... но оно ускользало, как песок сквозь пальцы. Сергей потёр виски, пытаясь прогнать остатки сна и встал, направляясь в ванную. Луны на небе уже давно не было — за окном стоял обычный самарский рассвет, яркий и пыльный. В ванной он долго плескал холодную воду на лицо и шею, пытаясь сбросить остатки сна и придать себе бодрости. Через минуту вода заставила его ощутить, как мурашки пробегают по спине, восстанавливая тонус, но не смогла смыть тот странный образ — лунный реголит, скользящий между пальцами без перчатки и то странное чувство из сна — тот момент, когда он, странным образом, дышал лунным воздухом без скафандра. Он вытер лицо полотенцем и пристально посмотрел на своё отражение в зеркале: обычное лицо, обычные тени под глазами после бессонной ночи. Ничего особенного.

На кухне он на автомате поставил чайник, достал хлеб и маслѐнку. Нож привычно скользнул по холодному сливочному маслу, оставляя неровные борозды — точь-в-точь как следы в лунном реголите из его сна. Сергей неловко двинул рукой, и нож со звоном упал на стол.

«Чёрт», — пробормотал он, поднимая его и вытирая салфеткой.

Вздыхнув, он продолжил готовить себе свой нехитрый завтрак. Всё нормально, всё как всегда... Завтрак прошёл в привычной рутине: бутерброды, растворимый кофе, взгляд на часы. В 7:07 он уже стоял у двери, проверяя, всё ли взял: пропуск, телефон, ключи. Бросил последний взгляд в коридорное зеркало — отражение кивнуло ему в ответ с привычной, немного ещё сонной, улыбкой. Через пару минут Сергей был на улице, где Самара уже втянулась в обычный утренний ритм. В воздухе висела привычная смесь выхлопных газов и заводского дыма — запах его детства, его города, привычная суeta — автобусы, переполненные в этот «час пик», сонные прохожие, заспанные продавцы в киосках. 7:10. Сорок пять минут до начала смены, и это без запаса. Он невольно зашагал быстрее, стараясь быстрее пройти перекресток, когда загорится зелёный. Обычный ритм, обычное утро, каких уже было бесчисленное количество, и сколько ещё будет...

Сергей ухмыльнулся. Он всё детство и юность грезил мечтами о том, как станет инженером-конструктором, будет проектировать космические корабли, ну или, хотя бы, двигатели для этих кораблей, которые полетят покорять просторы космического пространства... Но, что в реальности? Он просто инженер-технолог на заводе, на котором хоть и делают всё ещё двигатели для космических ракет, но уже никто не грезит космическими открытиями, полётами к другим планетам... да что к «планетам»? Даже про полеты на одну из этих планет, самую ближайшую, Луну, никто даже не мечтает. Обычная работа, как везде, рутина.

Он вспомнил, как первый раз, когда только начинал работать после института, пришёл со своей технологией в конструкторский отдел, который как раз занимался ракетными двигателями. Он думал, что увидит то таинство, которое окружает конструкторов, думал что увидит молодых, энергичных людей, у которых кипит работа над претворением в жизнь новых идей, огромные чертежи с захватывающими дух схемами. Он шёл в КБ по своей технологии, чтобы только согласовать совсем незначительное изменение, но в тайне надеялся увидеть, хоть одним глазком, как создаётся то, о чём он сам всегда мечтал...

Конструктора, к которому он пришёл, на месте не было и другой конструктор, стол которого располагался рядом, сказал:

«Подожди минут пять-десять Фимыч сейчас придет...»

Сергей ждал, рассматривая обстановку конструкторского отдела: старые кульманы, старые столы, старые стулья... где-то в углу человек в белом халате склонился над единственным компьютером. Над столом конструктора, к которому он пришёл, висел старый плакат топливного насоса, такой же старый, как и всё остальное в этом помещении, кроме, разве что компьютера, над которым усердно колдовал человек в халате.

— Прикинь, — нарушил недолгое молчание конструктор, который предложил ему подождать «Фимыча», — видишь этот стул, этот стол и этот плакат?

Сергей видел. Он не ответил, лишь кивнул, показывая, что видит.

— Представляешь, — продолжил словоохотливый конструктор, — Павел Ефимович в шестьдесят пятом пришёл в этот самый отдел, сел за этот самый стол, на этот самый стул и повесил над этим самым столом этот плакат...

— И... что, — Спросил Сергей, когда коллега Павла Ефимовича сделал многозначительную паузу.

— А то, — с какой-то торжественностью продолжил конструктор, — каждый день Павел Ефимович приходит на свою работу, садится за этот стол, на этот стул и смотрит на этот плакат... И знаешь, что самое главное в его работе? — В голосе конструктора вновь прозвучали загадочно-торжественные нотки.

— Что, — с благоговейным придыханием спросил Сергей, даже не рискуя предположить, какую тайну он сейчас услышит.

Словоохотливый конструктор выпрямился, приняв гордую осанку и торжествующий вид, а его глаза возбуждённо блеснули.

— Главная задача Павла Ефимовича, — наконец торжественно произнёс коллега Павла Ефимовича, следить за тем, чтобы в конструкции этого самого насоса с подачи вас, технологов, ничего не менялось!

Сергей чуть не поперхнулся от внезапного осознания того, что работа конструктора может быть настолько важной но не на столько захватывающей и интересной, как он себе это представлял. Возможно, где-то в другом КБ, другие конструктора прямо сейчас трудятся над созданием того, о чём он, Сергей, даже ещё не знает, и эта работа, как раз та, к которой он когда-то стремился... но, скорее всего, эта работа ведётся не в этом КБ и не на этом заводе...

Он как раз подходил ко входу в метро, когда в кармане зазвонил телефон. Сергей достал аппарат, прочитал текст — сообщение от начальника цеха:

«Срочно к восьми, совещание у меня в кабинете».

Сергей усмехнулся — обычно «срочно» означало, что кто-то что-то уже успел сломать, что что-то пошло не так и рабочие и мастера без него не знают, что делать.

Сообщение от начальника цеха светилось жирными буквами: «СРОЧНО К 8:00». Сергей вздохнул — значит, сегодня точно не будет времени проверить новую технологию той форсунки, с которой его так торопил главный технолог. Сергей посмотрел на свой сотовый, ощущая, как приятно лежит в руке холодный пластик телефона, — Nokia 3310, — подарок завода незадолго перед той самой командировкой в США. Он покрутил аппарат в пальцах, вспоминая, как чуть меньше года назад это была почти роскошь. Теперь же, после прихода оператора МТС в Самару, сотовые стали обыденностью.

«И как мы раньше без этого жили?» — усмехнулся он вслух, глядя на дисплей с двумя короткими полосками сигнала.

Сергей спустился в метро, и холодный воздух, насыщенный привычным запахом масла и креозота, ударил ему в лицо. Станция «Безымянка» была уже заполнена людьми, спешащими на работу, так же, как и он. Он ловко нырнул в открывающиеся двери вагона и прислонился к прохладному стеклу напротив, пока остальные пассажиры ещё толпились в тамбуре. Самарская подземка была переполнена людьми, хотя большинство горожан предпочитало автобус — всего одна ветка городского метро не всех устраивала. Для Сергея же это был неплохой вариант: никаких пробок, чёткий график движения и двадцать три минуты от дома до завода. Он закрыл глаза, ощущая, как вагон мягко покачивается на стыках рельсов. Всего две станции до «Советской», он всё ещё чувствовал недосып после почти бессонной ночи, но радовался, что ещё хоть мгновение можно провести на расслабоне.

Но полностью расслабиться не получилось. Его мысли вновь и вновь возвращались к его такому яркому сну и ночным раздумьям о Луне. Он вспоминал ту статью, которую читал лет пять назад в газете «Коммерсантъ», в которой сообщалось, что в России планировались три этапа полётов беспилотных аппаратов к Луне: вывод автоматических станций на окололунную орбиту и сброс нескольких зондов на поверхность, затем — доставка на Луну лунохода для сбора образцов и доставки их на Землю, и, наконец, заключительный этап — подготовка и строительство лунной станции. Сергей улыбнулся своему отражению в стекле, вспомнив, как прочитал в этой статье, что на разработку первого этапа выделено аж двести семьдесят миллионов рублей... Это действительно вызывало улыбку: этой суммы не хватило бы на запуск даже одного ракетносителя «Союз», даже в ценах 1998 года, не говоря уже о нынешних ценах, когда запуск «Союза» стоит не меньше \$70 млн, да и то, даже эти обещанные 270 млн рублей потом были перенаправлены на разработку более насущных программ... Действительно, «экономика победила технологию», как всегда...

Сергей вышел на станции «Советская» и зашагал по направлению к заводу, где его ждали обычные заводские проблемы и предстоящее производственное совещание. Ноги сами несли его по знакомому маршруту, но его мысли были далеко — там, где корабли будущего стартовали с лунных космодромов, которых ещё не существует. «Луна. То, что раньше нам обещали политики, а теперь обещают учёные»... Фраза Ламберта крутилась в голове, как заевшая пластинка. Он снова вспомнил пожелтевшие страницы «Техники молодёжи» 70-х, где художники рисовали лунные базы с куполами, атомные буровые установки, марсианские экспедиции к 2000 году. Тогда это были серьёзные политические манифесты, а сейчас... сейчас это воспринималось просто как фантастика и, как писали некоторые, даже не научная. Погруженный в свои мысли он прошёл на территорию завода, механически поздоровался с охранницей на проходной, машинально махнув ей своим пропуском.

Цех встретил его гулом станков и запахом металла: рабочие начинали свою работу раньше чем он, начальник бюро. Сергей быстро прошёл вдоль стены, на которой красовалось потёртое панно с Гагариным — реликвия ещё советских времён, с надписью «Покорители космоса» и датой «1961», которая уже успела выцвести до бледно-розового. Он на секунду притормозил, бросив взгляд на старое панно. Космос тогда был символом — таким же ярким и недостижимым, как Луна в его детском телескопе «Алькор». Но сейчас... Он взглянул на часы: 7:58. Совещание.

«Всё, соберись» — прошептал он одними губами и шагнул в коридор, ведущий к двери, за которой его уже ждали для решения отнюдь не космических проблем.

В кабинете начальника цеха было на удивление оживлённо. Кроме самого начальника, двух его замов и мастеров прямо посреди кабинета возвышался замдиректора по производству. Потный и краснолицый, как перегретый клапан, он тыкал пальцем в тематический план с таким остервенением, что Сергею казалось, ещё одно такое движение и он продырявит свою бумагу.

«Опять у вас форсунки текут на стендовых испытаниях! Это уже второй случай за месяц! — Его голос резал уши, словно непрерывно работающая гильотина, режущая металл, — а вы мне план наверстаете! Домой сегодня не уйдете, пока не сделаете...»

Сергей неспеша подошёл к столу, чувствуя, как под ногами хрустнул оброненный кем-то карандаш. На разложенных листах — знакомый форсуночный узел и схема сборки испытательной установки. Он склонился над схемами, выслушивая обидные слова и пытаясь оценить масштаб бедствия. Заместитель директора был несправедлив, говоря: «У вас» и «Опять»... В прошлый раз форсунки текли из-за брака литья, который почему-то пропустила система качества, а виноватым стал их цех. Всё как всегда: экономия, брак, нарушение технологии, а виной всему пресловутая спешка.

Сергей автоматически начал диктовать решение — заменить уплотнители, проверить посадки, осмотреть на наличие дефектов, когда его взгляд вдруг поймал плакат на стене: «7 апреля 2001 года. Запуск Mars Odyssey». Ярко-синяя фотография ракеты «Дельта» на фоне ночного неба, чья-то белозубая улыбка во всё лицо...

«Научные цели», — пробормотал Сергей, глядя на плакат «Mars Odyssey». Его губы сами собой сложились в кривую усмешку. Вспомнилось лицо того американского инженера из Хартфорда — седые брови, собранные в серьёзную складку, и вдруг распахнувшиеся в улыбку глаза, когда он говорил о лунной программе: «Мы не камни собирали, Сергей. Мы доказывали, что наша система лучше»...

— Эй, — голос начальника цеха вернул его к теме совещания, — Григорьев, ты на земле, а не на Марсе, — начальник цеха проследил его взгляд к плакату на стене, — это у американцев Марс, а у нас трубы горят и форсунки текут... давай, час тебе на решение!

Сергей кивнул, не отрывая глаз от чертежа. Пальцы его автоматически нащупали карандаш в кармане рубашки — старую привычку, оставшуюся со студенческих времён. Линия за линией, он стал набрасывать на полях схемы, возможные варианты уплотнений, мысленно прокручивая в голове параметры доступных материалов. Но в какой-то момент его взгляд снова скользнул к плакату с Mars Odyssey. Там, в углу, мелким шрифтом, ручкой, было нацарапано: «Стоимость миссии — 297 миллионов долларов».

Сергей моргнул, отводя взгляд от плаката. Двести девяносто семь миллионов... долларов... Сколько это в рублях? Где-то около десяти миллиардов... цена пяти новых истребителей или годового бюджета его завода. Он машинально продолжил чертить, но цифра не выходила из головы. На Луну будет дешевле, чем на Марс, подсчитал он про себя. Гораздо дешевле...

Совещание закончилось в 8:50. Сергей вышел в коридор, сжимая в ладонях смятый чертёж с пометками. А в голове стучало: «297 миллионов... 297 миллионов»...

В цехе его уже ждала бригада слесарей — пятеро мужиков в засаленных комбинезонах, с лицами, на которых читалось: «Опять эти чёртовы форсунки». Сергей механически натянул перчатки, ощущая, как кожа пальцев сразу же начала становиться влажной от пота, — в цехе было жарко, — и полез проверять установку для испытания, пытаясь определить причину возникшей проблемы. На какой-то миг он задумался, принимая решение и машинально выводя восьмерку на замасленном металле. Он моргнул, осознав, что рисует самую распространенную, по теории, траекторию для гипотетического межпланетного полёта.

«Соберись», — прошептал себе Сергей и резко стёр ладонью масляные цифры, оставив на металле грязный размазанный след. Он уже понял, в чём проблема с форсункой и раздумывал лишь о том, как сказать об этом начальнику цеха...

Проблему с протечкой, действительно, удалось решить на удивление быстро — слесарь-испытатель поставил уплотнительную прокладку не той стороной, и никто не заметил, пока Сергей сам не перебрал всю сборку на испытательной установке, и даже разобрал одну из форсунок. У него уже был опыт обнаружения подобных дефектов и, поэтому, он сразу предположил, в чем проблема, требовалось только убедиться в этой догадке.

— Вот же чёрт, — пробормотал старший мастер Петрович, разглядывая перевернутую прокладку, будто это была какая-то диковинная бабочка. Сергей лишь хмыкнул, вытирая руки о ветошь: два часа нервотрёпки из-за дурацкой ошибки, которую мог бы заметить любой практикант.

— Всю партию форсунок в переборку, — рявкнул начальник цеха, узнав причину, и его голос прокатился по цеху, заглушая гул станков, — Григорьеву — премию, а с участка снять четыре десятки за качество. С виновника — объяснительную... до конца дня!

— Угу, — голос слесаря Семёнова прозвучал хрипло, будто ему мешал застрявший в горле болт. Он стоял, сжимая в потных ладонях прокладку, перевернутую как символ его про-

фессионального позора. Сергей видел, как дрожит его нижняя губа — у мужчины двое детей, а «снять четыре десятки» означало потерю почти трети премии.

Сергей вдруг почувствовал, как горячая волна стыда ударила ему в лицо: премия за найденный дефект? Он стоял, сжимая ветошь в кулаке, глядя на спину уходящего начальника цеха. Это же абсурд — наказывать всю бригаду за ошибку одного человека. Семёнов стоял, опустив голову, его плечи были сведены так, будто он уже ощущал тяжесть тех самых «четырёх десятков» на своей шее.

— Андрей Викторович, — сказал Сергей, обращаясь к уходящему начальнику цеха, — проблему же удалось решить быстро, два часа потеряли на выяснение, а участок переберёт эти форсунки за полдня. Протекла-то, собственно, только одна форсунка, — его голос звучал уже спокойнее, чем он чувствовал сам, а внутри всё сжималось от странного напряжения — будто он стоял на краю чего-то важного, ещё не понимая что именно.

Начальник цеха медленно развернулся, его лицо было каменным.

— А если бы не заметили? На испытаниях бы рвануло! Ты представляешь, что тогда было бы?

— Да для того и испытываем в цехе механо-сборки отдельные узлы, чтобы не пропустить дефект дальше... — Сергей попробовал ещё раз, но начальник цеха уже замахал руками, как турбина на критических оборотах.

— Да хватит уже! — начальник цеха ударил кулаком по ближайшему верстаку, и металл глухо звякнул, — поработайте без премии, авось научитесь проверять сборку перед сдачей! Для меня каждая минута простоя — это мои цифры в отчёте, мои выговоры! — Он резко повернулся и зашагал прочь, оставив участок в гробовом молчании.

Сергей стоял, глядя на спину удаляющегося начальника цеха ощущая, как пальцы сами собой сжимаются в кулаки. Чья-то ошибка, чья-то вина — а наказание для всех. Знакомая схема, работающая на заводе как часы. Он взглянул на Семёнова — тот сидел на ящике с инструментами, опустив голову, нервно перебирая грязную тряпку. В цехе стояла тишина, нарушаемая только гудением станков на соседних участках.

— Ну, что стоим, — наконец произнес Петрович, — работаем... он швырнул гаечный ключ в ящик с инструментами, слушая, как глухо звякнул металл, но никто не двинулся с места. Все пятеро слесарей стояли, будто вкопанные, лишь Семёнов нервно теребил края комбинезона. Сергей почувствовал, как в горле поднимается ком — он знал этих мужиков десять лет, знал, что их молчание сейчас красноречивее любой ругани.

— Да ладно, Димыч, — сказал молодой слесарь Андрей, хлопнув Семёнова по плечу, — бывает... Давай перебирать... если быстро управимся, Андрей Викторович остынет, отделаемся выговором... Он бросил взгляд на Сергея, словно ища поддержки, тот молча кивнул, разворачивая на верстаке чертёж. Участок быстро начал работу, чтобы устранить дефект в этой несчастной форсунке и убедиться, что в остальных всё собрано правильно, а Сергей отправился в свой отдел.

Сергей шёл по длинному коридору административного корпуса, наблюдая привычную деловую суету: топот ног, хлопанье дверей, звонки телефонов, чей-то смех и чей-то спор на повышенных тонах... Обычный рабочий день, хоть и начавшийся для него с экстренного вызова к начальнику цеха. Впереди его ждала обычная рутина, которую он тянул изо дня в день и с которой он уже морально смирился. Он вздохнул, вспоминая, что нужно сделать сразу же, как только он дойдет до своего рабочего места: разобрать почту, проверить сроки по графикам выпуска технологий, выслушать подчинённых о текущих проблемах, подготовиться к совещанию у главного технолога по месячному планированию — вот чем нужно заняться сегодня. Но мысли его снова и снова возвращались к той цифре с плаката: «297 миллионов. Двести девятью семью...» Это число теперь пульсировало у него в сознании синхронно с ударами сердца, смешиваясь с ритмом шагов по бетонному полу. Сергей машинально здоровался с людьми,

улыбался в ответ, но чувство какой-то горечи, от того, что он занимается не тем, о чём когда-то мечтал, не отпускало. Детские мечты о полётах, юношеское увлечение астрономией, учеба в институте на аэрокосмическом факультете — всё это казалось Сергею теперь далёкими воспоминаниями, словно кадры из фантастического кино, захватывающим сюжетом которого можно восхищаться, переживать вместе с главными героями, пытаться представить себя сопричастным с тем, что происходит на экране, и... и потом возвращаться в свою обычную жизнь, к своим обычным житейским и производственным проблемам.

«Это, наверное всё Луна, полнолуние, которое разбудило меня среди ночи и навеяло ностальгию, не давая заснуть...» — Сергей встряхнулся, словно выбрасывая из головы лишние мысли и возвращаясь в рабочую обстановку.

Его бюро находилось в самом конце коридора — маленькая комнатка с двумя запylёнными окнами, выходящим на заводской двор и десятком столов, за которыми трудились инженеры-технологи. На двери висела табличка с потёртой надписью «Технологическое бюро цеха №3», которую кто-то когда-то попытался подправить фломастером. Сергей привычным движением толкнул дверь и бодрой походкой направился к своему столу.

— Ну, что там опять стряслось? — с легкой иронией спросила Мария Ивановна, самый опытный технолог в их бюро, которая за четыре десятка лет работы повидала всякое. Она сидела за своим столом, как паук в центре паутины из развешанных на лесках вокруг ее стола чертежей, и перебирала очки на цепочке, — Виктор Андреевич с утра сам не свой... уже третий раз звонил.

Сергей бросил папку с документами на стол, уселся в своё кресло и выдержал паузу, расслабившись на минуту:

— Форсунки текут. Опять. Семёнов прокладку не той стороной поставил. Теперь весь участок без премии, — он небрежно развалился в кресле, которое жалобно скрипнуло под ним, как перегруженный самолёт на посадке и провёл ладонью по лицу, ощущая под пальцами щетину — сегодня утром он не успел побриться. Кофе. Нужна чашка кофе, как ритуал, который стал для него уже обычным.

Мария Ивановна уже ставила перед ним кружку с тёмной жидкостью, от которой поднимался ароматный пар. Сергей поставил блюдо с чашкой перед собой и машинально достал из ящика блокнот с потрёпанной обложкой — подарок с той самой командировки в Хартфорд. На первой странице красовался логотип «Pratt & Whitney», слегка уже потертый за прошедшие полгода.

— Спасибо, Марь Иванна... — Сергей с благодарностью вдохнул кофейный аромат, — что бы я без вас делал...

Мария Ивановна лишь улыбнулась, возвращаясь к своему рабочему месту.

— Никольский звонил, трижды, — напомнила Мария Ивановна, постукивая длинным ногтем по корпусу своего старого дискового телефона, — говорит, что Калинин снова требует пересмотреть спецификации по тепловым зазорам. Опять, — она сделала паузу и добавила с театральным вздохом: — в третий раз за эту неделю.

Сергей сощурил глаза, ощущая, как горячий кофе обжигает ему губы. Этот проклятый Калинин из отдела стандартизации будто специально изводил их бесконечными правками, меняя параметры задним числом. Сделав глоток он поставил чашку на стол и неопределенно хмыкнул. В воздухе повисла пауза, которую Мария Ивановна заполнила цоканьем языка и фразой:

«Ну и день у нас начинается».

Сергей кивнул, глядя на свои часы — 10:17. Обычно к этому времени он уже заканчивал разбор утренних вопросов, проверку графиков разработки документации и обсуждение с Никольским текущих проблем. Сегодня же график полетел к чертям с самого утра: он пропу-

стил не только разбор текущих вопросов в своём бюро, но и совещание у главного технолога. И эта, почти бессонная ночь...

Недопитый кофе, заботливо заваренный Марией Ивановной, быстро остывал.

— Спасибо, ещё раз, Марь Иванна, — сказал Сергей, быстро глотая напиток, пока тот окончательно не остыл. Большой глоток слегка обжёг язык, но он даже не поморщился — после ночных раздумий и утренней суматохи ему нужно было это ощущение ясности, пусть и через боль. Мария Ивановна хмыкнула, водружая свои очки на переносицу, и бросила взгляд на часы.

— Уж конечно, — Мария Ивановна улыбнулась, намекая на то, что если бы не она, то он, Сергей, её начальник, так и остался бы сегодня без утреннего кофе, — кто-то же должен заботиться о начальнике, как о беспомощном ребёнке... — Она провела пальцем по краю кружки, оставляя на стекле жирный след от крема для рук, — хоть бы бороду поскоблил перед работой, а то выглядишь, как наш дядя Петя после субботнего загула...

— Обязательно, Марь Иванна, — пообещал Сергей и поднял трубку для разговора с Никольским.

Минут через десять, когда Сергей наконец положил её на рычаг аппарата, телефонная трубка была теплой от долгого прижимания к уху. Разговор с Никольским был тяжёлым — его голос в трубке метался между раздражением и профессиональной сдержанностью:

— Калинин опять своё? — Никольский вздохнул так, что в трубке зашипело.

— Как обычно, — Сергей провёл пальцами по вискам, где уже начинала пульсировать головная боль, — перекладывает свои просчёты в спецификациях на наши сборки, говорит, что зазоры должны быть не больше 0,35, а у них самих в чертежах 0,42.

— Ты ему показал наш протокол согласования? Тот, где его же подпись?

Сергей взглянул на копию протокола, лежащую перед ним, с пометками карандашом и сроком выполнения, обведённым несколько раз.

— Показал. Он сказал, что это «техническая ошибка» и требует всё пересчитать. До конца недели.

В трубке раздался звук, напоминающий скрежет зубов.

— До конца недели? — голос Никольского стал выше. — У нас же четверг! То есть... завтра?

— Завтра, — подтвердил Сергей, глядя на календарь Марии Ивановны, — до обеда.

— Ну и... — Никольский замолчал на секунду, затем в трубке раздался глухой удар, будто он ударил кулаком по столу, — ладно, сегодня сам с ним поговорю. Ты держись там...

Сергей размял пальцы, затёкшие от усилия, с которым он сжимал трубку во время разговора с начальником: голос Никольского ещё звучал у него в ушах, но мысли уже уплывали куда-то в сторону Калинина и его вечных придилок. Он взглянул на блокнот. Там, среди расчётов по форсункам, снова маячила цифра — 297. Сергей ткнул ручкой в бумагу, усердно замалёвывая цифру.

«Вот наваждение», — пробормотал он, глядя на пятно в блокноте, где только что красовалась цифра, не дающая ему покоя. Пятно теперь напоминало лунный кратер — Тихо, например, или Коперник. Сергей вздохнул, и задумчиво начал выводить штриховку, превращая пятно в аккуратный прямоугольник.

До обеда больше срочных вопросов не было — необычная передышка в потоке заводских проблем, как будто утренний кипишь с форсунками забрал на себя всю порцию полагающегося негатива. В кабинете стояла непривычная тишина — даже его телефон молчал, не издавая привычного дребезжания. Только на стене старые часы с отломанной стрелкой продолжали своё мерное тиканье, словно отсчитывая секунды до очередного кризиса.

В обед Сергей сбегал в столовую, быстро, как всегда, съел борщ, проглотил картофельное пюре с биточками и через пять минут уже сидел в своём кресле, прикрыв глаза. Полчаса. Всего тридцать минут, когда можно было не думать ни о форсунках, ни о Калинине, ни о

потерянных премиях. Он откинул голову на подголовник, расслабившись и наслаждаясь относительной тишиной и покоем. Эти тридцать минут были его временем, в которое его никто не тревожил, даже его начальник, если не случалось что-нибудь экстраординарное. Перед его мысленным взором вновь возникла Луна, которую он созерцал прошедшей ночью, но на этот раз, её образ навевал покой и умиротворение. Луна, как будто такая близкая, манящая своим серебристым светом, но, на самом деле, такая далёкая и недоступная. Сергей чувствовал, как его губы растягиваются в легкой улыбке, а сознание погружается в лёгкую полудрёму. Где-то тихо хлопнула дверь, чьи-то каблуки простучали по коридору, но это уже не могло нарушить его непродолжительный отдых...

Телефон в кармане пискнул внезапно и коротко, как сработавший аварийный датчик.

Сергей со стоном открыл глаза и сунул руку в карман, уже ожидая очередного «срочно» от начальства или претензий от Калинина. Но экран светился незнакомым +1 номером. Сообщение на плохом английском: «CONGRATULATIONS! YOUR POWERBALL TICKET 774-556-991 IS WINNER! CLAIM YOUR \$187 MILLION PRIZE». Сергей застыл в своём кресле, держа аппарат так, будто это была граната с выдернутой чекой. Второй абзац уточнял: «Official notification sent to Hartford CT office. Contact claims department at...»

Он сидел, не двигаясь, словно поражённый громом и не веря тому, что он читал на экране своего телефона.

«Не может быть, это какая-то шутка», — это была первая мысль, которая пришла в голову. В ушах внезапно заложило, потом он ощутил как кровь бьёт в висках, а его собственное сердце колотится о рёбра, увеличив свою частоту.

«187 миллионов»...

Он перевёл сумму в рубли — цифры поплыли перед глазами. Почти шесть миллиардов. Примерно столько стоила вся программа обновления производства для их завода. Сергей провёл ладонью по лицу, словно пытаясь стереть несуществующую ошибку в расчётах. Может, это розыгрыш? Или ошибка системы? Он перечитал сообщение ещё раз, затем ещё, выискивая подвох. Но текст был предельно ясен: его билет, купленный полгода назад в Хартфорде на память, оказался выигрышным. Сергей посмотрел на часы:

«Двадцать минут до конца обеда...»

Он резко поднялся, направляясь к выходу и ловя удивлённые взгляды подчинённых.

«Мне на проходную... задержусь немного с обеда...», — он на секунду обернулся, отмечая, что Мария Ивановна понимающе кивнула, и выскочил из кабинета, почти бегом направляясь к проходной. Надо проверить. Надо убедиться. Срочно. Билет на холодильнике. Нужен интернет...

За проходной полуденный ветерок приятно освежил лицо и Сергей немного успокоился, перейдя на спокойный шаг и стараясь осознать, то что он сейчас делает и то, что он сделает, если это всё окажется правдой... Действительно, что? Он остановился посреди улицы и рассмеялся не обращая внимание на удивление прохожих. Затем, успокоившись, вновь продолжил свой путь. Можно это проверить и потом, после работы... но нет... он не сможет спокойно работать, пока всё не выяснит... Метро, улица, дом, он ворвался на кухню в своей квартире и почти с содроганием сдернул билет из-под держащего его магнита. Теперь снова на улицу...

В интернет-кафе у метро трое школьников расступились, увидев его лицо. Сергей впился пальцами в клавиатуру, набирая адрес лотерейного сайта. Когда страница загрузилась, он ввёл номер билета — система выдала зелёную галочку и те же цифры: \$187,000,000. Внизу страницы мигало: «Победитель должен заявить права в течение 180 дней». Сергей посмотрел на дату розыгрыша — прошло уже 142 дня: осталось чуть больше месяца. Он нервно взглянул на часы, отмечая, что его обед уже закончился, когда в кармане жужжал телефон — Никольский, потом Мария Ивановна, потом снова Никольский. Сергей отправил всем одинаковое смс сообщение: «Срочные семейные обстоятельства. Вернусь к концу смены». Он ещё раз просмотрел стра-

ницу сайта, словно не веря своим глазам, затем раскрыл свой блокнот. Сколько же это будет, за вычетом налогов и расходов? Цифры поражали. Сергей старательно записал в блокнот цифры и углубился в изучение инструкций для иностранных победителей. Штат Коннектикут требовал личного присутствия и паспорта, но не упоминал гражданство. Виза у него была действующая, билет в Хартфорд — вопрос нескольких часов. Вопрос был в другом: слишком много нюансов, про которые он мог просто не знать... Сергей прикусил губу, ощущая, как капли пота стекают за воротник рубашки и поёрзал на стуле. За окном интернет-кафе проходили люди — обычные Самарцы с пакетами из «Вивата». Никто не подозревал, что за грязным стеклом сидит один из самых богатых людей в их городе.

Яркий солнечный свет его почти ослепил, когда после полумрака интернет-кафе он вышел на улицу. Сергей зажмурился, а в голове крутилась одна мысль:

«Что теперь?»

Деньги. Виза. Америка. Перевод. Налоги. Но за этим хаосом постепенно, но настойчиво, уже начинала пробиваться другая мысль — то самое, о чём он мечтал с детства, глядя на Луну в любительский телескоп. «А что, если рискнуть и начать, вложить всё в осуществление своей детской мечты? Ведь главное — сначала — очень захотеть...» Мысль, которая начала зарождаться в его голове была поразительной: «Почему мы больше не летаем на Луну?» Потому, что это очень дорого? Потому, что нет доступных технологий? Потому, что там нет ничего интересного? Потому, что не хотим? Или потому, что просто перестали мечтать? Ведь мечта — это первый шаг к тому, что может осуществиться в реальности, а упрямство первооткрывателя и вера в технический прогресс приводят тех, кто в это верит к успеху и осуществлению мечты! И плевать, если ничего не получится! Безумство? Да, это почти безумство, но можно ведь хотя бы начать, хотя бы попробовать... Или... Но нет, деньги он точно будет переводить в Россию и свою мечту реализовывать здесь. Несмотря ни на что, не смотря ни на какие соблазны, которые будет сулить ему далёкая Америка. Он — патриот своей Родины и все, что он будет делать, он посвятит только своей стране¹.

Сергей раскрыл блокнот, где торопливой рукой записал расчёты выплат, даже не сразу заметив, как он сжал ручку до боли в пальцах. Цифры казались нереальными: примерно \$100 миллионов чистыми. Примерно столько стоило бы строительство нового цеха с импортным оборудованием. Он провёл ладонью по странице, словно пытаясь на ощупь убедиться в реальности того, что он сам написал, сидя в интернет-кафе.

«Конечно единовременно», — пробормотал он, переводя взгляд на запись колонки цифр с аннуитетом и вариантами выплат. Тридцать лет выплат — смешно. Он не хотел становиться пенсионером в 65 лет, получая последний транш. Три миллиарда рублей. Достаточно, чтобы... Сергей резко перевернул страницу, не давая себе договорить мысль. В углу блокнота маячила запись о налогах для нерезидентов. Он провёл пальцем по строчкам, выискивая подвох. «Самостоятельно уплачивать налоги в своей стране» — значилось условие среди множества других. Да, российская налоговая точно не пропустит такую сумму. Сергей мысленно прикинул 13% НДФЛ и чуть не засмеялся — на фоне американских вычетов это выглядело практически щедро.

Телефон в кармане вновь завибрировал — Никольский. Сергей достал телефон и нажал кнопку вызова.

— Ты где, чёрт возьми? Ты мне здесь нужен в четыре! — Голос его начальника гроыхал в трубке, не предвещая ничего хорошего.

Сергей взглянул на часы: к четырём часам он на работу успевал.

¹ Возможно, сейчас можно было бы придумать и другой вариант получения «первоначального капитала» для осуществления мечты главного героя, но производство начало зарождаться в 2018 г. и только сейчас окончательно выстроилось в законченное производство...

— Буду даже раньше, Виктор Андреевич, но... — раздумывая, как сказать Никольскому про всё то, что сегодня произошло и про то, что он задумал.

— Что ещё? — Спросил Никольский недовольным голосом, — давай быстрее, у меня селектор через пять минут...

— Виктор Андреевич, — выдохнул Сергей, — мне нужен отпуск...

В трубке повисла секундная пауза, перед тем, как его начальник ему ответил.

— Давай, так, Сергей, — Никольский, сказал уже более спокойным голосом, — в четыре у меня совещание, с твоим присутствием, — Никольский сделал акцент на словах «с присутствием», — а потом ты мне расскажешь, что у тебя стряслось...

Сергей немного рассеянно стоял посреди тротуара, когда телефон снова зажужжал. Незнакомый номер с кодом США. Сергей сделал глубокий вдох и поднёс трубку к уху.

«Mr. Grigoriev? — женский голос с мягким акцентом звучал неестественно бодро, — this is Melissa from The Lotter. We noticed your winning ticket was checked online today...»

Сергей прижал телефон к уху, чувствуя, как подрагивают его пальцы от нервного напряжения. Голос Мелиссы звучал как из параллельной вселенной — звонкий, профессиональный, с нотками фальшивого дружелюбия.

«Yes, this is Grigoriev,» — выдавил он из себя, чувствуя, как язык прилипает к нёбу. Мелисса затараторила о процедурах, билетах, встречах с адвокатами. Сергей кивал в такт её речи, будто она могла это видеть через океан.

«... и мы полностью организуем ваш визит в Хартфорд, включая перелёт бизнес-классом и пятизвёздочный отель,» — продолжала она, а Сергей в это время смотрел на простирающуюся перед ним аллею и редких прохожих, с интересом разглядывающих молодого человека с телефоном, бегло ведущего беседу на английском.

Бизнес-класс. Он никогда не летал бизнес-классом, даже когда, решив шикануть, отдыхал в роскошном отеле в Турции...

«Одно маленькое условие, — голос Мелиссы стал чуть тише, словно она наклонилась к трубке, — вы соглашаетесь на фотосессию с чеком для нашего сайта. Это стандартная практика...»

Сергей представил, как его лицо будет красоваться на главной странице The Lotter с дурацкой улыбкой и картонным чеком размером с лопату.

«И... возможно, одно интервью для местных СМИ,» — добавила Мелисса уже менее уверенно.

«Нет интервью,» — рявкнул Сергей неожиданно резко, и тут же поправился: «I mean... no interviews, please.»

В трубке повисла пауза. Затем Мелисса, слегка сдавленным голосом, пообещала «обсудить это с руководством». Сергей уже готов был бросить трубку, когда она вдруг произнесла:

«Ваш рейс послезавтра в 14:30 из аэропорта Курумоч. Билет уже заказан, не опаздывайте пожалуйста. В аэропорту вас встретит наш представитель со всеми необходимыми документами, билетами, программой пребывания и инструкциями, после перелёта наш водитель доставит вас в отель...»

Он опустил телефон и рассеянно уставился в небо, где за яркой синевой, там, где-то далеко совершала свой бесконечный полет Луна, которая так его манила. Но неужели теперь, послезавтра, уже скоро, начнет сбываться его мечта? Медленно, по крупикам, то, во что он когда-то мечтал, начало выкристаллизовываться в безумный, но конкретный план.

В назначенный день, в 12:00, Сергей был уже в аэропорту. Его отражение в зеркальных стенах казалось чужим ему самому: обычная потрёпанная куртка, его любимая дорожная сумка, но выражение лица — будто он только что увидел привидение, напряжение и две наполовину бессонные ночи, давали о себе знать.

— Mr. Grigoriev? — Молодая девушка в деловом костюме с табличкой «The Lotter» уже ждала его в холле, — I'm your coordinator. Everything is ready for your flight. Она протянула конверт с билетами и маршрутом. Сергей машинально взял его, ощущая под пальцами плотную бумагу. Бизнес-класс. Прямой рейс. Ровно в 14:30 самолёт взревел двигателями, и Сергей вжался в кожаное кресло бизнес-класса, везя в своём кармане конверт с билетом на \$187 миллионов и в голове — свою начавшуюся возрождаться мечту...

Следующие сорок восемь часов слились в калейдоскоп проверок, подписей, улыбок перед камерами и бесконечных рукопожатий с улыбчивыми незнакомцами в дорожных костюмах. В Коннектикуте его встретили как героя — шампанское, фотографии, местный телеканал, снимающий его реакцию на гигантский картонный чек. Он улыбался, как мог, но мысли уже улетели далеко за пределы этого шумного офиса с ковровыми полами и стеклянными стенами.

Налоговый консультант The Lotter — седой мужчина с лицом, словно высеченным из гранита, — провел его через ад бумажной волокиты. Сергей подписывал документы, не вникая в мелкий шрифт, только слыша, как тот бормочет что-то о «нерезидентских вычетах» и «международных соглашениях». В голове стучало одно: перевести деньги в Россию. Быстро. Словно боялся, что нужно успеть, пока никто не передумал. И, что главное, пока она сам не перегорел от осознания своей безумной идеи...

Фотограф The Lotter заставил его держать чек под разными углами, улыбаться, затем серьёзно смотреть в камеру.

«Для сайта, понимаете? Нам важно показать реальных победителей», — объяснил он, щёлкая затвором. Сергей кивал, но уже представлял себе не сайт лотереи, а как будет выглядеть самолет-носитель, который поднимет его космический аппарат, какие ему понадобятся двигатели, каким должен быть сам этот космический аппарат, взлетающий с носителя, кто все это сможет спроектировать и изготовить. И у него уже были мысли на этот счет! Нужно было только... За эти последние три дня он несколько раз открывал свой блокнот, принимался рисовать схемы, словно боялся потерять мысль, прикидывал, записывал цифры, пытался считать, но бросал и убирал блокнот. Он не хотел, не мог думать об этом прямо сейчас, пока не закончены все формальности. У него голова шла кругом от того, что уже произошло и от того, что ещё нужно предпринять. Когда все формальности в Штатах закончились, он попросил билет не в Самару, а в Санкт-Петербург, удивив координатора, которая, впрочем, без вопросов переоформила рейс. Сергей уже знал, что нужно делать, но ещё не понимал, как это начать делать и, поэтому, он летел в город, где жил человек, с которым он не мог не посоветоваться, прежде чем начать осуществление своего безумного плана. Звали этого человека Николай Николаевич...

Николай Николаевич, или дядя Коля, как звал его Сергей в детстве, и отец Сергея были друзьями детства, и оба — из Ленинграда. Потом они вместе учились в МАИ, но после окончания их дороги немного разошлись: отец Сергея отправился по распределению на три года в Самару, да так и остался там работать до пенсии, а Николай Николаевич стал работать в Москве, конструктором ракетных двигателей в одном из КБ. В 90-е, когда его направление закрыли, Николай Николаевич вернулся в свой родной Ленинград и до пенсии работал на авиационном заводе. Кстати, тоже технологом, как и сам Сергей. Сейчас Николай Николаевич был уже пенсионером, но, тем не менее, он был первым, кому Сергей хотел поведать о своих планах.

Сергей, когда был ещё маленьким, помнил, как Николай Николаевич, который довольно часто приезжал в Самару, заходил к ним в гости. Выглядел Николай Николаевич всегда колоритно: тёмно-кирпичный загар, седые волосы, обветренное, морщинистое лицо с глубокими складками кожи, густые брови, из-под которых смотрели пронзительно-голубые глаза. Он был высоким и жилистым от природы, что делало его фигуру ещё более внушительной. Сергею, который зачитывался фантастикой и обожал комиксы про космических героев, Николай Николаевич, или дядя Коля, как он его в то время называл, казался ему просто живым воплощением

капитана космического корабля из будущего, таким, какими он этих капитанов себе представлял.

Как-то раз Сергей спросил у отца:

«А почему у дяди Коли такое загорелое и морщинистое лицо?»

На что отец ему ответил:

«Это Солнечный ветер, сынок, космос...»

Сергей, хоть и был маленький, и понял, что Отец шутит, но восторженно кивнул, в душе надеясь, что может быть это было и не совсем неправдой.

Николай Николаевич любил рассказывать, как запускают в космос ракеты, которые несут к другим планетам космические корабли, а Сергей был благодарным слушателем, с восторгом и гордостью впитывая рассказы дяди Коли про космос. Он мечтал, что когда вырастет, то будет таким же, будет конструировать космические корабли, которые полетят ещё дальше чем те, которые запускает дядя Коля. А может быть и пойдёт дальше, сам полетит в космос на тех самых кораблях... Как-то раз Сергей рассказал дяде Коле о своей мечте сделать такой корабль, который запросто будет летать к другим планетам, по крайней мере, на Луну уж точно, и даже показал свой детский рисунок, как этот корабль будет выглядеть. И дядя Коля не разочаровал: он со всей серьезностью изучил детский рисунок Сергея, и даже подсказал, что нужно изменить, чтобы этот корабль стал лучше.

«Когда вырастешь и полетишь на Луну, меня с собой возьми, я пригожусь, буду у тебя штурманом...» — сказал тогда дядя Коля на полном серьезе, а Сергей, тоже на полном серьезе, пообещал:

«Конечно дядя Коля, ты будешь самым лучшим штурманом...»

Спустя двенадцать часов полёта самолёт приземлился в Пулково. Сергей вышел в терминал, держа в руках свою неизменную дорожную сумку, которая заметно потяжелела от лежащих в ней ноутбука HP Compaq и папки с документами от The Lotter. Теперь, когда у него было три с лишним миллиарда, рублей и уже почти сформировавшийся план реализации своей мечты ему, как никогда, нужен был знающий человек. Штурман, который сможет провести его мечту через необъятное море препятствий, как корабль через бурлящее море, полное подводных камней...

Сергей достал телефон и набрал номер дяди Коли. Николай Николаевич, хоть и был уже не первый год на пенсии, был бодр и энергичен. Сергей позвонил, и Николай Николаевич ответил после первого же гудка: его голос, хоть и с привычной хрипотцой курильщика, был без тени усталости.

— Серёжа?! — голос Николая Николаевича зазвучал в трубке с такой искренней радостью, что у Сергея невольно дрогнули пальцы, сжимающие телефон, — давненько не звонил, парень! Я уж думал, ты забыл старика... — знакомый с детства хриловатый баритон дяди Коли звучал почти так же, как и двадцать лет назад, разве что чуть глубже: житейский опыт и мудрость прожитых лет чувствовались в его голосе, внушая Сергею уверенность.

— Николай Николаевич... дядя Коля, — голос Сергея звучал хрипло от усталости и волнения, — вы не поверите. У меня есть деньги и все та же мечта, которая была у меня в детстве и я... и эта моя мечта... я хочу её воплотить... нужно только начать, что бы... — Сергей не мог закончить свою фразу, с трудом сдерживая эмоции, — ни много ни мало, а сто шестнадцать миллионов долларов, — выпалил он дрогнувшим голосом, и это чистыми после налогов, сборов и комиссий банков... \$116,073,700 — точную сумму он помнил до цента.

На другом конце провода на секунду воцарилась тишина, затем Николай Николаевич медленно выдохнул:

— Ты где? — голос Николая Николаевича прозвучал твёрдо, словно он отдавал команду на стартовой площадке во времена своей молодости.

— В Пулково... Выхожу к такси, — ответил Сергей, проходя сквозь толпу пассажиров к стеклянным дверям.

— Не двигайся. Через сорок минут буду... — голос Николая Николаевича прозвучал как приказ, но Сергей успел услышать в нём едва сдерживаемое волнение, — стой у выхода в город, я сам тебя встречу.

Сергей сел на прохладную скамью у выхода, достал блокнот и начал считать в третий раз. Джек-пот \$187,000,000 минус 30% федерального налога США — \$56,100,000. Минус 6,99% комиссия The Lotter — \$13,071,300. Минус 1,5% за срочный перевод в Сбербанк — \$1,755,000. Курс ЦБ... Он подчеркнул цифры — в рублях это было непостижимо: 3,247,893,450. Три миллиарда двести сорок семь миллионов. Правда, с этой суммы ещё придется заплатить 13% здесь в России... но это чуть позже... возможно, получится получить налоговую льготу, ведь он собрался инвестировать в грандиозный проект...

Он перестал считать, когда понял, что цифры всё равно теряют смысл. Три миллиарда. Даже после всех налогов и комиссий — получалась сумма, которая не укладывалась в голове. Он машинально провёл пальцем по экрану телефона, закрывая калькулятор, как будто боясь, что кто-то увидит. Ветер с Невской губы Финского залива освежал лицо приятной прохладой, но он не чувствовал ветра, только жар в висках и странную лёгкость в груди, будто он уже оторвался от земли. Его пальцы дрожали, когда он перелистнул страницу и начал записывать пункты: 1) Налоговый консультант. 2) Личный менеджер в Сбербанке. 3) Детальное обсуждение планов с Николаем Николаевичем. 4) ... Четвёртое — позже, когда он обсудит с дядей Колей свои планы. Нужны партнеры, которых ещё нужно заинтересовать, убедить... Сергей предельно чётко знал, чего он хочет, но что конкретно нужно делать дальше, прямо сейчас, пока представлял плохо.

Ровно через сорок минут новенький ВАЗ-2115 Николая Николаевича почти беззвучно подъехал в шуме аэропорта. Дверь распахнулась — и Сергей увидел знакомое лицо, которое за двадцать лет почти не изменилось, разве что морщины вокруг глаз стали глубже, а седина в жёстких и, как всегда плохо причёсанных волосах — обильнее. Но глаза — всё те же пронзительно-голубые, под низко нависшими бровями на ставшем ещё более морщинистом лице.

— Ты серьёзно? — было первое, что выкрикнул Николай Николаевич, хватая Сергея за плечи и вглядываясь в его лицо так, будто проверял, не спит ли он на ходу. Его пальцы, жёсткие и узловатые от многолетнего увлечения охотой и рыбалкой, впились в плечи Сергея с силой, которую трудно было ожидать от шестидесятипятилетнего человека.

Сергей молча кивнул.

Николай Николаевич отпустил Сергея, сделал шаг назад и вдруг расхохотался — громко, от души, так что на них обернулись стоявшие вокруг люди. Затем, перестав смеяться так же внезапно, как начал, схватил Сергея за руку, почти таща его к машине.

— Ты охренел? — Николай Николаевич втолкнул Сергея в машину и захлопнул дверь, — что ты там говорил про миллиарды, про детские мечты? Давай по порядку, — он завёл двигатель, включил передачу и неспеша направил свой автомобиль к выезду со стоянки, — рассказывай, что произошло и что ты задумал?

Сергей глубоко вдохнул, чувствуя, как строгое дяди Колино «охренел» будто холодный душ смывает чувство эйфории, которое владело им эти последние несколько дней и начинает возвращать его к действительности, в этот обычный сложный мир, где мечты сбываются только в детских снах. О чём он вообще думает, в какую авантюру он хочет ввязаться со своими, вообще-то жалкими тремя миллиардами для того масштаба, который необходимо охватить для воплощения его мечты? Сжав зубы он раскрыл блокнот и развернул к Николаю Николаевичу, страницу, где под колонками цифр были наброски схем полёта и надписью «Воздушный старт».

— Николай Николаевич, вы же как никто другой знаете про ту программу — авиационно-космическая система «Спираль», — он провёл пальцем по схеме, где детально был изоб-

ражён самолёт-разгонщик с пристыкованным воздушно-космическим самолётом, — 52 тонны, 38 метров в длину. Разгон до шести махов, отделение на высоте 30 километров, — вы же знаете, дядя Коля, что это не фантастика, это уже летало, до того, как этот проект прикрыли, после того, когда начали делать систему Энергия-Буран... Но сейчас, с учётом того опыта, на новых технологиях, с новыми идеями, это же возможно... Сейчас! Просто нужно, чтобы кто-то это вновь начал...

Николай Николаевич слушал, лишь мельком взглянув на развёрнутую схему в блокноте Сергея, сосредоточенно управляя автомобилем на подъезде к шлагбауму. Его пальцы барабанили по рулю, выдавая напряжение, которое он тщетно пытался скрыть за спокойным выражением лица. Шлагбаум медленно поднялся, пропуская их на трассу, и только тогда Николай Николаевич, немного отъехав от аэропорта, резко свернул на обочину, глуша двигатель. В салоне наступила тишина, нарушаемая лишь шумным дыханием Сергея и ударами пальцев Николая Николаевича по рулю. Николай Николаевич задумчиво барабанил по рулю, глядя на дорогу прямо перед собой, но его глаза, острые, словно сканирующие реальность глаза бывшего конструктора, сейчас видели не дорогу. Они видели то, о чём говорил Сергей: разбег по взлётной полосе, набор высоты, момент разделения... Его левая рука непроизвольно сжалась в кулак, когда он тихо, словно разговаривая сам с собой проговорил: «Разгон... отрыв... выход на траекторию...»... Ведь та мечта, о которой сейчас говорил Сергей, когда-то была и его мечтой. И Сергей, наблюдая за дядей Колей с водительского сидения, отлично это знал. Наконец Николай Николаевич оторвал взгляд от дороги и повернулся к Сергею:

— Три миллиарда — это, конечно, круто, но, ты пойми, на один только комплект эскизных чертежей «Роскосмоса» столько уйдёт, сколько времени потребуется, сколько согласований! Потребуется выбивать дополнительное финансирование из бюджета, а это... — Николай Николаевич замолчал, резко закрыв рот, будто сам себе запретил продолжать. Сергей видел, как его пальцы с силой сжали руль, выдавая его волнение.

— Я не прошу вас пробивать финансирование проекта, с лёгкой обидой в голосе проговорил Сергей, — я вас прошу помочь с расчётами, оценить масштаб.... Вы же в НПО «Энергия» тридцать лет проработали.

— В «Энергии» я уже давно не работаю! — Николай Николаевич резко закурил, трясущимися пальцами зажигая сигарету, — серьёзные проекты делают годами, если не десятилетиями. Ты хоть представляешь, сколько там подводных камней?

— Представляю, — Сергей достал из сумки потрёпанную тетрадь с набросками воздушно-космического самолёта, — я это с восьмого класса считал...

Николай Николаевич неопределенно хмыкнул, усмехнувшись, но блокнот взял. Листал, хмурясь, не обращая внимания, как пепел от сигареты осыпался на колени.

— Бред. Полный бред. Ты хоть представляешь, сколько всего тут вообще не учёл? — Николай Николаевич закрыл блокнот и вернул его Сергею, но уголки его глаз подрагивали, словно скрывая улыбку, что не ускользнуло от внимания Сергея. Он ждал от дяди Коли именно такой реакции!

— Знаю, — Сергей сложил в сумку свою тетрадь, — но принцип-то рабочий, в 70-х это все реально летало. А если эти схемы перепроектировать под современные материалы, под новые сплавы, композиты... под новые задачи... Мы же не будем копировать старую «Спираль» один в один. Нам нужна её философия — воздушный старт, многоразовость, модульность...

Сергей развернул следующую страницу, где была выведена формула расчёта веса композитного корпуса с углеродным волокном.

— Тогда ведь даже титановые сплавы казались фантастикой. А сейчас у нас есть углепластики, керамические матрицы, лазерная сварка... Совершенно новая производственная база и технологии!

Николай Николаевич неспеша закурил новую сигарету, выпуская дым в потолок машины. Его газа блеснули, как будто сейчас он был не шестидесятипятилетним пенсионером, а молодым инженером, ставящим перед собой новую амбициозную задачу и веря, что успех неизбежен...

— Хорошо, допустим базовые принципы правильные, а с учетом новых технологий и новых материалов мы можем сделать кое-что получше старых наработок, — Николай Николаевич потушил сигарету о пепельницу с таким выражением, будто давил не папиросную бумагу, а собственные сомнения, — но в «Роскосмос» с этой идеей и твоими тремя миллиардами идти бесполезно. У них там сейчас, скажем мягко, другие планы... — он нервно почесал переносицу, — сейчас там всё заточено под госзаказы, под военку, под ту же «Ангару». Нам скажут спасибо за инициативу и отправят по всем бюрократическим кругам ада минимум лет на пять...

Николай Николаевич замолчал, и в салоне снова повисла тяжёлая тишина, нарушаемая только ритмичным постукиванием пальцев по рулю. Сергей смотрел в окно на мерцающие в отдалении огни Петербурга, чувствуя, как эйфория от выигрыша начинает медленно уступать место холодному расчёту. Он знал, что дядя Коля не просто так остановил машину — он что-то обдумывал.

— Дядя Коля, вы думаете, я не думал об этом? — Сергей улыбнулся, чувствуя, что мысль Николая Николаевича уже работает в том же направлении, что и у него, — я хочу начать с эскизного проекта, окончательно определиться с концепцией, рассчитать параметры всех компонентов системы, прикинуть современные технологические возможности, получить понимание того, какая потребуется производственная база и какие предприятия могут дать под это имеющиеся производственные мощности, на базе эскизного проекта разработать инвестиционный проект... на эти работы, я уверен, моих трёх миллиардов хватит, ещё и останется. А потом, когда эскизный и инвестиционный проекты будут готовы, вложить оставшиеся деньги в создание акционерного общества.

Николай Николаевич вдруг резко рассмеялся — коротко, хрипло, словно выдохнув последние остатки сопротивления.

— Ты серьёзно хочешь сделать «Спираль-2» на частные деньги на частных предприятиях? — Николай Николаевич выдохнул дым в сторону приоткрытого окна, но его голос звучал уже не скептически, а с отчётливым интересом. Он прищурился, будто пытался разглядеть в Сергее того самого мальчишку, который когда-то клялся ему, что обязательно построит космический корабль, который полетит на Луну, и его, Дядю Колю, обязательно возьмет с собой... штурманом.

— Да, — ответил Сергей так тихо, что Николаю Николаевичу даже пришлось приглушить радио, которое итак работало негромко, — и не просто «Спираль-2». Мы будем делать свой собственный воздушный старт. С новыми расчетами, на новых, на современных технологиях. И проектировать будем сразу всю систему — воздушный старт, космический челнок, орбитальные станции, межпланетник, лунный модуль. Всё... Все, с таким расчетом, чтобы человек, купивший билет, был уверен, что мы его высадим на Луну!

Николай Николаевич замер. Он молчал так долго, что Сергей даже начал думать, что тот его не услышал. Он просто сидел, застыв, с сигаретой между пальцев, как зачарованный, а его взгляд, был устремлён куда-то далеко, за пределы аэропорта, за пределы дороги, уходящей в даль, туда, где уже начал собираться вечерний туман.

— Вопрос в том, — продолжил Сергей, — где найти специалистов, которые смогут это рассчитать нормально и за вменяемые деньги. Нужна частная компания, которая имеет опыт создания таких проектов... У меня три миллиарда, — у вас, Николай Николаевич — опыт и связи в отрасли. Знания. Понимание, кто, кроме «Роскосмоса» может выполнить расчёты. Мы найдём тех, кто захочет рискнуть, и заметьте, не за бесплатно. Вы мне не так давно говорили про частные кампании, которые занимаются ракетами и космическими технологиями,

помните? Вы ещё упомянули про АО «Заслон»... — нам нужно что-то типа этого.... — Сергей на минуту замолчал, наблюдая за реакцией Николая Николаевича, — Но... это всё ещё нужно детально обсудить и просчитать... под мой... под наш проект...

Николай Николаевич медленно потушил свою очередную сигарету в пепельнице на торпедо, перевёл взгляд на Сергея и вдруг хрипло рассмеялся — этот смех был похож на тот, что он слышал очень давно, тогда, когда дядя Коля впервые объяснял ему, маленькому Сергею, принцип действия реактивного двигателя.

— Ладно, поехали ко мне, — Николай Николаевич наконец повернул ключ зажигания, запустив двигатель, — отдохнешь, выступишься.... вон у тебя глаза какие красные, а потом... потом поговорим подробнее. Думаю, тебе есть что рассказать, а мне есть что предложить.

Машина тронулась, и Сергей вдруг почувствовал, как напряжение последних дней наконец начинает отпускать. Он прислонился к холодному стеклу, пытаясь изо всех сил не заснуть прямо здесь, в машине Николая Николаевича.

— И да, — Николай Николаевич внезапно развернулся к нему, пока машина мчалась по почти пустынной вечерней трассе, — давай на ты... если мы теперь одна команда, то в одной команде все друг к другу всегда обращаются на «ты», независимо от возраста... у нас так принято... понимаешь?

Сергей медленно кивнул.

Машина катила по вечернему городу, а Сергей, прислонившись к стеклу, чувствовал, как веки становятся тяжелее с каждым поворотом. Последние дни — перелеты, формальности, бессонные ночи, напряженные мысли — давали о себе знать. Сергей не помнил, как уснул. Он лишь смутно ощутил легкий толчок, когда машина остановилась, и руки Николая Николаевича — крепкие, жилистые — потрясли его за плечо.

— Приехали, — голос Николая Николаевича прозвучал как сквозь вату. Сергей открыл глаза, увидев перед собой четырнадцати этажку из красного кирпича. Сергей заставил себя вылезти из машины, чувствуя, как его ноги уже подкашиваются от усталости.

Сергей шагнул в лифт, прислонившись к холодной металлической стенке, а Николай Николаевич, нажимая кнопку десятого этажа, бросил на него быстрый взгляд:

— Завтра поспишь, сколько хочешь, будить тебя не буду, но потом сядешь и спокойно, без суеты расскажешь мне всё с самого начала, — Николай Николаевич провёл его по гулкому коридору к двери с номером «137», вставляя ключ в замочную скважину, — а пока — горячий душ, постель и никаких мыслей о Луне до утра. Понял?

Сергей понял. Он принял душ, потом они с Николаем Николаевичем пили чай практически молча, почти не говоря друг другу слов. Николай Николаевич постелил ему на диване и Сергей заснул глубоким сном без сновидений, понимая, что эйфория закончилась, а завтра его ждут не грёзы и приятные мечты, а серьёзная работа, если он конечно всерьёз хочет осуществить всё то, о чём говорил и думал эти последние дни. И во что уже практически втянул Николая Николаевича, друга детства своего отца, а теперь уже и своего полноценного компаньона.

Сергей проснулся, когда за окном уже ярко светило солнце. Полежав с полминуты он с наслаждением потянулся и энергичным движением поднялся с дивана, отбросив одеяло. Впервые за последние дни он чувствовал себя по-настоящему выспавшимся: ни ноющих висков, ни тяжёлых век, только лёгкость в мышцах и странное, почти детское предвкушение нового дня. Из-за неплотно притворённой двери доносился запах кофе и звук льющейся воды.

— Как самочувствие? — Николай Николаевич поставил перед Сергеем дымящуюся чашку кофе и тарелку кашей.

— Как будто мне двенадцать, и я только что прочитал книжку «Ракетой к Луне», — Сергей ухмыльнулся, пробуя рисовую кашу, — и кашу по утрам я ел только в детстве... сейчас только бутерброды да кофе по-быстрому.

Николай Николаевич усмехнулся, наливая себе кофе.

— Ты вчера меня просто ошарашил, когда позвонил из аэропорта, — Николай Николаевич сел напротив, со своей чашкой, — я сначала подумал, что ты просто бредишь и помчался в аэропорт, чтобы выяснить, что стряслось. Но когда увидел твои глаза на стоянке аэропорта...

Николай Николаевич замолчал, разглядывая Сергея поверх чашки, словно проверяя, не изменилось ли что-то в его взгляде за ночь.

— Когда увидел твои глаза, понял — ты как всегда серьезен, — Николай Николаевич поставил чашку на стол, оставив кофе недопитым, — ты говорил о трёх миллиардах как о разменных деньгах. И самое удивительное... ты веришь в эту авантюру. Неужели ты эти деньги хочешь потратить на предприятие, которое, возможно, просто не сможет дать результат? Надо же понимать, что эти три миллиарда — это просто капля в море для такого проекта и никто не сможет гарантировать, что это всё можно будет реализовать... ты хорошо подумал? Может быть это просто была эйфория от того, что на тебя свалились такие деньжищи, эмоциональный выброс? Знаешь, я просто вдохну спокойно, если ты сейчас скажешь, что все то, что ты говорил мне вчера про полёты на Луну — это были эмоции, а сегодня ты выспался и на трезвую голову понял, что всё это были просто глупости, которые...

Сергей медленно положил ложку на край тарелки, потянулся за чашкой кофе и сделал глоток, чувствуя, как горячая жидкость разливается теплом по телу. Он посмотрел на Николая Николаевича через пар, поднимающийся от чашки, и улыбнулся — не широко, не наигранно, а так, как улыбаются люди, которые уже приняли решение и теперь просто ждут, когда другие его поймут.

— Я не передумал, — Сергей поставил чашку с характерным стуком, — эти деньги для меня — не просто сумма. Они — шанс. Возможно, единственный. Понимаете... понимаешь, — поправился он, — шанс! И если из этой, как ты выразился авантюры ничего не получится, то... то просто всё вернётся на круги своя. Я буду заниматься форсунками в своей Самаре, а ты будешь ходить на охоту и рыбалку... А деньги... они свалились неожиданно и если ничего не получится, то останется чувство, что мы хотя бы попытались. Это лучше, чем глядеть на Луну через телескоп и стонать, что кто-то должен был, но не сделал.

Николай Николаевич долго молчал, крутя чашку в руках. Внезапно он со звоном поставил её на стол, словно ставя точку в своих сомнениях.

— Ладно, — Николай Николаевич вздохнул так глубоко, что его плечи поднялись и опустились, словно он сбросил с них невидимый груз, — тогда рассказывай всё с самого начала и подробно.

Сергей отпил ещё глоток кофе, чувствуя, как кофеин бодряще щекочет нервы. Он положил руки на стол ладонями вверх — жест, который всегда делал его отец перед серьёзным разговором.

— Николай Николаевич... я не просто так загорелся этой идеей, — начал Сергей, проводя пальцем по краю чашки, — ты же знаешь, я все детство просто этой идеей бредил, думал, когда вырасту... потом, конечно, когда вырос, стал реалистом. Но, все равно, я всё это время жил с этой идеей, она где-то там... — он ткнул пальцем себе в грудь, — внутри теплилась. И вот, когда я узнал про выигрыш, первая мысль была именно об этом. Не про яхты, не про виллы... Я даже не знаю, почему именно так, но я понял — это знак. Или шанс. Я должен попробовать.

Николай Николаевич медленно кивнул, постукивая пальцами по столу в такт каплям, падающим с крана на кухне. Он словно взвешивал каждое слово Сергея, пропуская его через сито собственного опыта. Внезапно он встал, вышел и вернулся на кухню со стопкой чистой бумаги и карандашами. Положил перед Сергеем чистый лист бумаги и карандаш с почти торже-

ственным жестом, как будто передавал ему не просто канцелярские принадлежности, а ключи от космического корабля.

— На, пиши и рисуй, всё, что ты решил делать, — сказал он, присаживаясь напротив и доставая из кармана очки в тонкой металлической оправе, — когда пишешь и рисуешь — мысли начинают работать более здраво. Глаза видят, а мозг оценивает то, что ты излагаешь на бумаге. Мысли материализуются через бумагу. Особенно такие... потом сам прочитаешь, осмыслишь критически. А потом мы съездим в АО «Заслон», я, кстати, утром уже созвонился с их главным инженером, он готов нас выслушать. Завтра. Только ему нужно будет показать хоть что-то, что-то посерьёзнее, чем просто слова...

Сергей взял карандаш, ощутив его шершавость между пальцами и чувствуя, как то, что он всё это время носил в уме, требуется систематизировать на бумаге. Вздыхнув — начал писать, то что рисовал когда-то в детстве в альбоме для рисования, потом высчитывал параметры по формулам, когда заканчивал школу. Всё то, что он вынашивал все эти годы, о чем мечтал и сожалел, что всем этим мечтам не суждено стать реальностью.

«Проект МТАКС — многоразовая транспортная авиационно-космическая система» — Сергей вывел заголовок крупными печатными буквами, затем провел линию, разделяя лист примерно пополам. В левой колонке он начал перечислять этапы:

Стартовая система, состоящая из самолёта-разгонщика и воздушно-космического самолёта, стартующего на высоте 20...30 км и со скорости разгонщика примерно 2,8...3,0 маха;

Орбитальная околоземная станция в качестве перевалочной базы для отправки пассажиров и грузов на орбиту Луны;

Собственно межпланетный транспорт орбита Земли-орбита Луны;

Орбитальная окололунная станция в качестве базы для базирования спускаемых аппаратов и приема-отправки пассажиров и грузов с межпланетного транспорта;

Лунная база.

— Создавать МТАКС для доставки конечной полезной нагрузки непосредственно на Луну нерационально, предполагается разбить систему на сегменты, — Сергей продолжал писать, заполняя правую колонку листа цифрами и схематичными набросками. Карандаш скользил по бумаге с лёгким шелестом, оставляя за собой след из цифр и стрелок, соединяющих блоки системы в единую цепь, а Николай Николаевич, наклонившись, следил за каждым движением карандаша, иногда поправляя очки, которые сползали на кончик носа. Его пальцы непроизвольно повторяли в воздухе контуры, которые выводил Сергей, будто проверяя их на прочность давно забытыми формулами.

— Эскизный проект нужно выполнить сразу на весь комплекс сегментов системы, но для детальной разработки предполагается на начальном этапе проекта сконцентрироваться только на первом этапе, включающем в себя проект и изготовления пары самолёт-разгонщик — воздушно-космический самолёт, — Сергей отложил карандаш и развернул лист к Николаю Николаевичу, указывая на схему, — всё остальное — это уже следующие очереди проекта, который будет реализовываться после отработки первой части.

— Нужно определиться с исходными данными, — Николай Николаевич провёл ладонью по бумаге, словно разглаживая невидимые морщины на её поверхности. Его палец остановился на цифрах в правой колонке: — ты пишешь здесь «20...30 км», «2,8...3,0 маха». Это диапазоны. Но нам нужны точные параметры. Как ты их получил?

Сергей провёл пальцем по цифрам, оставившим слабый графитовый след на бумаге. В этот момент он ощутил странную связь между этой чертой и тем, что когда-то рисовал в своём альбоме, давая волю своим детским фантазиям о полётах к Луне.

— Эти цифры — не просто диапазоны, — он обвёл их кружком, — это границы возможного. Верхний предел — для идеальных условий, когда мы сможем использовать весь потенциал системы. Нижний — для гарантированного минимума, который позволит системе оста-

ваться работоспособной. Возможно разумным подходом будет ограничение массы полезной нагрузки на круговую орбиту высотой 200 км величиной, равной выводимой ракетами среднего класса, то есть 8...20 тонн, 20 тонн – желательно, 8 тонн – минимально необходимо. Это сопоставимо с грузоподъемностью существующих ракет «Союз-2» – 8 тонн на орбиту 200 км и «Протон-К», который вывел модуль «Звезда» массой 20 тонн. Создание более грузоподъемной системы представляется сложно реализуемой для воздушного старта. Для предварительного расчёта я взял массу полезной нагрузки 8 тонн с выводом на орбиту 350 км, с наклоном 45°.

Николай Николаевич медленно кивнул, снял очки и протёр их краем рубашки, словно пытался очистить не только стёкла, но и собственное видение проблемы. Сергей продолжал.

— Что бы задаться параметрами самолёта-разгонщика, я отталкивался от параметров реально существующего самолёта МИГ-31, у которого максимальная тяга на форсаже 15500 кгс, максимальная скорость 3 463 км/ч, $\approx 2,83$ маха, и практический потолок высоты 20600 метров. Самолёт разгонщик — один из основных элементов системы, его потребуется спроектировать с нуля, и это будет уникальный аппарат, имеющий аналог с истребителем МИГ-31 только по практическому потолку и максимальной скорости. Тягу двигателей придётся увеличить как минимум вдвое и разработка этих двигателей будет то же уникальной с точки зрения конструирования. Можно, конечно принять за аналог самолёта-разгонщика и бомбардировщик ТУ-160, но сложность и стоимость в этом случае возрастает многократно. В конечном счете, возможно, получится аппарат, имеющий некоторые аналогии с параметрами и МИГ-31 и ТУ-160.

— Ты представляешь, сколько времени уйдёт на проектирование только разгонщика? — Николай Николаевич постучал пальцем по схеме, оставив на бумаге едва заметную вмятину, — годы, и это если найдётся КБ, которое согласится за это взяться без госзаказа.

— Один из примеров рекордных сроков проектирования сверхзвукового перехватчика — создание МИГ-25, — не очень уверенно проговорил Сергей, проводя пальцем по схеме разгонщика. Но... — старт программы был дан 5 февраля 1962 года, а 9 сентября 1964 года начались заводские испытания опытной машины Е-155П! — Он поднял глаза на Николая Николаевича, ища подтверждения в его взгляде, — и это всё делалось почти с нуля, мы же будем делать проект на реально существующих аналогах... Мы отведём на это три года.

Николай Николаевич выдохнул через зубы, откинулся на спинку стула и замер, глядя в потолок. Его пальцы продолжали постукивать по столу — медленно, размеренно, как метроном, отсчитывающий секунды перед запуском. Сергей молчал, ожидая, что скажет этот старый конструктор.

— Три года, — наконец произнёс Николай Николаевич, опуская взгляд с потолка на Сергея. В его голосе не было ни сарказма, ни скепсиса — только холодный расчёт, — три года при условии, что ты найдёшь не просто КБ, а КБ, которое уже работало над подобными задачами. И не просто инженеров, а инженеров, способных мыслить вне шаблонов госзаказа, — он провёл пальцем по наброску разгонщика, затем резко перевёл руку к схеме орбитального модуля, — и это только первый сегмент. Всё остальное — станции, межпланетник, лунная база — это минимум десять лет даже при идеальных условиях. Ты готов к такому сроку?

— Я хочу очень быстро сделать эскизный проект и тогда, имея на руках конкретные расчеты, сделанные профессиональной командой, имеющей опыт в разработке проектов и проведении НИОКР, думать дальше. И пусть потом кто-нибудь скажет, что мы сумасшедшие романтики...

Сказав это Сергей неожиданно рассмеялся — резко, почти истерично, как будто выпуская наружу напряжение последних дней. Николай Николаевич вздрогнул от неожиданности, и даже очки сползли у него с кончика носа, чуть не упав. А Сергей, уже поймал кураж, и его понесло:

— Итак, вот то, что я смог прикинуть в расчёте:

Если на круговую предварительную орбиту у земли высотой 200 км выходим со скоростью полёта равной $V_{kp} = 7,8$ км/с., то для перехода на расчётную опорную орбиту 350 км, на которой будет располагаться база для отправки аппаратов к лунной орбите, потребуется увеличить скорость примерно до $V_{ko} = 7,9$ км/с. Величина скоростного импульса для перехода с круговой орбиты высотой 200 км. на круговую орбиту высотой 350 км. будет примерно 100 м/с., это важно для определения скорости, которую мы получим на опорной орбите 350 км. Поскольку расстояние от центра Земли до круговой орбиты высотой 350 км. составляет 6721 км., расстояние от центра Земли до круговой орбиты высотой 200 км. составляет 6570 км., то $V_{k350} = 7,71$ км/с, это важно для дальнейшего определения параметров, для расчёта импульса для схода с орбиты и импульса для разгона на выход на орбиту для отправки к Луне.

— Далее, — Сергей сделал паузу, отхлебнув остывающее кофе и продолжил: — оценка параметров запуска 8-тонного аппарата с самолёта на 200-километровую орбиту. Для вывода полезной нагрузки 8 тонн на низкую круговую орбиту высотой 200 км при старте с самолёта на высоте 20 км и скорости 3463 км/ч (≈ 962 м/с) получились следующие ориентировочные параметры:

- Круговая скорость на орбите 200 км: около 7,79 км/с.
- Период обращения: примерно 88,4 минуты.
- Требуемый прирост скорости (идеализировано): 3,94 км/с.

Оценка потерь:

- Гравитационные: $\sim 0,40$ км/с.
- Атмосферные: 0,20–0,40 км/с.
- Итоговый необходимый ΔV : 4,54–4,74 км/с.

Оценка стартовой массы ступени (при сухой массе ступени $\approx 10\%$ от начальной):

Для реализации задачи потребуется аппарат, аналогичный одноступенчатой ракете стартовой массой от 34 до 62 тонн в зависимости от выбранного топлива, я склоняюсь к паре кислород/водород, что позволит значительно снизить стартовую массу, в этом случае удельный импульс (I_{sp}) будет 450 против 320 у варианта с керосином, стартовая масса 51,1–61,9 тонн, сухая масса 5,1–6,2 тонн, полезная нагрузка 8 тонн, топливо 38–47,7 тонн.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.